

А.М. Салмин

ЯВЛЕНИЕ ДИЛИГЕНСКОГО

In Memoriam.

Герман Германович Дилигенский.

1930-2002

шолтца

14 июня 2000 г. не стало Германа Германовича Дилигенского – выдающегося ученого, человека высокой образованности и образцовой, по мерке всех времен, порядочности.

В этом внешне мягком, скором на обезоруживающую улыбку человеке была какая-то загадка, тайна, которую он унес с собой. Многие годы при одном имени Дилигенского у меня в памяти неизменно всплывала пушкинская надпись к портрету П.Я.Чаадаева: «Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес, а здесь он – офицер гусарской».

Сделав Дилигенского невольным, однако, легко узнаваемым адресатом этой, в другое время и к другому человеку обращенной эпиграммы, судьба как бы специально для него иронично оснастила ее вторым дном. Свой путь в науке он начинал в каком-то смысле именно в «Риме» и в «Афинах», и даже не «гусарским офицером», а «бойцом научного фронта». «...Когда бы грек увидел наши игры»...

В своем последнем интервью, публикуемом в этом выпуске «Политии», Г.Г. Дилигенский предлагает страшный своей бытовой приземленностью образ: «Сталинская система действовала по принципу консервной банки – полная изоляция от иного мира, от иных ценностей». Он знал цену слову, и точное слово ценил: не романтический «каземат», даже не «склеп» какой-нибудь – консервная банка. Из банки было несколько виртуальных, как сказали бы сейчас, то есть мнимых, выходов в другие – тоже замкнутые и тоже по-советски душные, но все-таки несколько автономные и относительно respectable пространства. Археология, палеография, Восток, античность. После университета Герман Германович занялся античностью. Точнее – югом Средиземноморья, его канувшей в Лету культурой в широком смысле слова, созданной в конечном счете не «формацией» и не «эпохой», а мыслявшими и чувствовавшими людьми.

...Как людям его собственного поколения еще до «оттепели» удавалось почувствовать, что они находятся не там, где должно находиться человеку – это десятки и сотни отдельных историй.

Благородно сочетая в своем характере отсутствие малейшего выскомерия с неготовностью держать душу нараспашку, своей личной истории Герман Германович в последнем интервью не рассказал. Есть, впрочем, минимальный общий знаменатель у всех таких биографий. Улжи, которой была пропитана атмосфера этой «банки», есть характерное свойство. Исключая проверку фактами, она всеми своими повадками, всем стилем своим вызывает к себе почти инстинктивное недоверие, граничащее с. брезгливостью. Г.Г.Дилигенский был, несомненно, чувствителен к стилю.

Мне трудно сказать, каким путем Дилигенский, очевидно стремившийся к современным темам с открытым финалом, пришел к социальной психологии. Именно к ней, а не в нее, поскольку в первой половине 1960-х гг. этой области знания в СССР как бы не было, да и действительно не было, в качестве официально признанной или хотя бы даже явно преследуемой научной дисциплины. Допускаю, что немаловажную роль играло стремление создать такую профессиональную нишу (уже можно было ниши исподволь создавать, а не только занимать), в которой безобразникам и неучам было просто не по себе. Не знаю, так ли это было, но такой выбор выглядит одновременно достаточно смелым и по-своему логичным.

Г.Г.Дилигенский не был диссидентом, возможно – просто как человек стиля. Смелость и, как свидетельствуют участники события, безукоризненную порядочность при столкновении с «системой» он без демонстрационных эффектов проявил в 1982 году, когда его отдел в Институте мировой экономики и международных отношений подвергся гонениям. На его долю выпала тогда непростая роль последнего (по крайней мере, в академической среде) рыцаря в последней битве с агонизирующим чудовищем. Вряд ли Герман Германович, тогда уже серьезный ученый с европейским именем, мечтал в тот момент о подобном амплуа, но не мы выбираем роли, они выбирают нас. Он вышел из положения не только с честью, но и со свойственным ему особым, словами плохо выразимым, достоинством.

«Щекотливый», как принято говорить, а на самом деле больной и даже трагический вопрос. Как можно было людям той эпохи, с умом и талантом, годами и десятилетиями работать на ЦК КПСС и его подразделения? Это тот вопрос, который – в применении ко всей «советской культуре» – еще не раз будет задан, и каждый раз он требует ясного и определенного ответа. Мне кажется, что жизнь Германа Германовича, помимо много другого – это путь человека, имевшего дар понять раньше многих, что он, как и все мы тогда – содержимое той самой «консервной банки». И что он не просто не желает – не имеет права быть всего лишь этим содержимым. Что оказавшись – родившись! – в бездне с крышкой, надо стать очень умелым, тренированным, осмотрительным, чтобы крышку сначала слегка приоткрыть, затем слегка

сдвинуть... Допускаю также, что жизнь в этом безвоздушном и бездушном по определению, но не по опыту, пространстве – еще одна причина выбора для себя науки о душе: психологии.

...У гроба Дилигенского никто не мог, да и не пытался, припомнить, какие у него были титулы, регалии и инсигнии. Ему не довелось воевать, и ему не пришлось служить государству, которому можно было бы служить не за страх, а за совесть. Он, как мог и сколько мог, служил истине и стране, стране и истине. Для настоящего же ученого символы формального признания, в общем, необязательны, во всяком случае – вторичны. Почти не вспоминали даже названия его работ, когда-то звучавшие как пароль. Зато цитировали, чуть ли не дословно, его формулы и его высказывания. Мне трудно представить себе более высокую оценку жизни человека, главное призвание которого – мысль. Дилигенский писал хорошие книги и интересные статьи на важные темы, но, кроме того, более того и сверх того – он еще создавал концепции, и он делал открытия.

...В надгробных речах не было ничего казенного, не было экзальтации, и не было заметно стремления говоривших там и тогда сказать о нем последнее и главное. Надгробное слово должно, не в последнюю очередь, утешать и ободрять близких усопшего. Передавать им на вечное хранение возможную полноту его образа. Жена Германа Германовича Дилигенского, Майя Исаевна Новинская – прекрасный ученый и обаятельный человек – ушла из жизни за месяц и четыре дня до него.

Общение давних и новых собеседников с Г.Г.Дилигенским продолжается. Сегодня, когда его нет с нами физически, он остается, по меньшей мере, в трех смыслах в пространстве той культуры, сотворцом которой был многие годы.

Во-первых, существуют книги, статьи, мысли Дилигенского. Его открытия, его гипотезы, его ошибки, неизбежные у любого ученого, независимо от масштаба дарования. Однако заблуждения и ошибки Вавилова, Вернадского, Тимофеева-Ресовского для науки неизмеримо важнее, чем ошибки и заблуждения «народных академиков», несть им числа, и бесконечно интереснее и плодотворнее, чем правильные суждения последних. Любые тексты стареют, и стареет контекст. В последнем своем интервью – тоже, увы, последнем – Ханс-Георг Гадамер, скончавшийся за три месяца до Германа Германовича Дилигенского, настаивал на том, что утопия Платона иронична, и что Платон всего лишь говорил с людьми своей эпохи на понятном им, но забытом потомками языке. Даже если это не так в конкретном случае, проблема перевода философского языка одного эона на язык другого несомненно существует. Даже если «зоны» эти отделены друг от друга всего лишь десятилетиями. Будущим читателям работ Дилигенского, особенно ранних, придется быть очень внимательными, чтобы безошибочно распознавать рассуждения в марксистской парадигме,

скрытую полемику с марксизмом и эшелонированную защиту сокровенных мыслей марксистского или немарксистского свойства при помощи знаков культуры советского марксизма. Не следует забывать также о джентльменской готовности немарксиста Германа Дилигенского защищать Карла Маркса как ученого во времена, когда марксизм в России, не будучи, по сути, преодоленным научным сообществом интеллектуально, стал немодным и одиозным по не относящимся к науке причинам. Все это разные контексты. Между греческими «играми» и нашими под знаком вечности нет непроходимой границы.

Во-вторых, Дилигенский остается нашим цензором. Конечно, не внешним, докучливым. Никто не осмелился бы даже про себя так назвать его, строгого – именем русского языка и научной выучки – редактора. Цензором внутренним. Во всяком случае, для тех, для кого значил что-то вопрос: «Что подумает Дилигенский, если прочтет эту мою статью, книгу, рецензию?» Сегодня тот же самый, по сути, вопрос выражается немного по-другому: «Что сказал бы он, если бы прочел...» В творчестве смерть – не прекращение отношений, а изменение их грамматики.

В-третьих, – и это еще одно, может быть – тоже еще не самое глубокое «дно» его личности: принципы, которые он сформулировал для себя, и которым неукоснительно следовал, не проповедуя и, тем более, не навязывая ничего и никому. Восстановить их можно только из его поступков, из его текстов, из поступков и текстов его учеников и последователей.

Земная жизнь Германа Германовича Дилигенского завершилась, ныне предстоит осмысливать продолжающееся явление Дилигенского.